

Т а т ь я н а Я н к о в с к а я

КОГДА ДУША ЛЮБИЛА ДУШУ

Воспоминания о барде
Кате Яровой

Татьяна Янковская

**Когда душа любила
душу. Воспоминания
о барде Кате Яровой**

«Алетейя»

2019

УДК 929
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-9

Янковская Т. В.

Когда душа любила душу. Воспоминания о барде Кате Яровой /
Т. В. Янковская — «Алетейя», 2019

ISBN 978-5-907189-25-6

Её сравнивали с Галичем, называли Высоцким в юбке, певшей от имени молчащих, автором самых проникновенных стихов о любви в советской поэзии – и самым недооценённым бардом России. Эти воспоминания помогут многим открыть для себя Катю Яровую (1957–1992). Татьяна Янковская познакомилась с ней, когда Катя приехала в Америку на гастроли в 1990 г. Их встреча оказалась судьбоносной – благодаря ей Татьяна опубликовала первую прижизненную статью о творчестве Кати Яровой, а позднее сыграла решающую роль в публикации посмертного сборника «Из музыки и слов» и выпуске избранных песен на трёх дисках. Автор воспоминаний рисует яркий портрет человека, незаурядного во всем: Катя была талантливым поэтом, чутким другом, очаровательной женщиной, обладала магнетизмом, притягивавшим к ней людей. Читатель встретит имена Е. Евтушенко, В. Смехова, И. Губермана, Л. Ошанина, Ю. Мориц, Д. Таубман, Б. Езерской и других видных деятелей культуры, а также многих любителей поэзии и авторской песни, бескорыстно помогавших сохранению и продвижению творческого наследия безвременно ушедшего барда.

УДК 929
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-9

ISBN 978-5-907189-25-6

© Янковская Т. В., 2019

© Алтейя, 2019

Содержание

Вступление	7
Знакомство	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Татьяна Янковская

Когда душа любила душу.

Воспоминания о барде Кате Яровой

В тембре этого голоса нет ничего необычайного; это просто истина, которая льётся из сердца... и которая обольщает и увлекает с первых же тактов всех зрителей, если только этим людям когда-либо в жизни случалось плакать о чём-то другом, кроме денег и орденов.
Стендаль, «Жизнь Россини»

© Т. В. Янковская (Tatyana Yamrom), 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Вступление

Мне довелось познакомиться с Катей Яровой¹ и общаться с ней в последние три года её жизни. Катя открыла мне целый мир. Она открыла мне меня. Когда Катя была ещё жива, я понимала, что, хотя мы с ней очень разные, у меня ни с кем не было такого духовного родства, как с ней. Наши вкусы в поэзии и литературе были близки. Была и какая-то мистическая связь (о своих мистических связях с Катей говорили мне и другие).

Наверно, есть какой-то высший смысл в нашей встрече. Я начала писать, когда встретила её, о ней – и продолжала писать и о ней, и своё, когда её не стало. Катин племянник Миша Новахов сказал как-то, что один талант разбудил другой, и теперь, когда её нет, а я пишу, она как будто продолжает жить. Отношения с Катей – больше, чем дружба, они не описываются в обычных «земных» терминах. Этот свет, исходивший от неё... Когда у меня появились первые планы написать о Кате, возникло и название. Запись 26 февраля 1993 года: «Катя (моё знакомство с Катей Яровой и её стихами). Возможное название “Когда душа любила душу”». Обычно, когда я пишу о ней, я выбираю её слова для названия статей², но эта строка Вероники Долиной точнее всего передаёт то, что я чувствовала тогда и сейчас.

О Кате я могла бы говорить сутками, и сутками можно рыться в моих архивах и памяти, чтобы рассказать как о её жизни среди нас, так и о её жизни, продолжившейся без её физического присутствия, потому что она осталась живой в сердцах всех, кто принял участие в её судьбе, кто знал и любил её песни. Я хочу рассказать хотя бы малую толику того, что знаю. В 94-м появился план воспоминаний. Запись 28 декабря 1994 года: «Зачем я это пишу? Причин много, иначе я не стала бы этим заниматься. Во-первых, писать о Кате – удовольствие. Во-вторых, у неё было много друзей и любящая семья, и я думаю, что это важно для них. Кроме того – Катя смеялась, когда я это говорила, – у меня “комплекс Шуры Балаганова”: я люблю, чтоб всё было “по справедливости”. Я считаю, что Катин творчество до сих пор не оценено по достоинству, и пытаюсь это исправить. Я уверена, что с годами это изменится, что появятся исследователи, которые будут бережно собирать всё, что связано с жизнью и творчеством Кати Яровой. У них будет большое преимущество по сравнению с нами – перспектива, но что-то будет невосполнимо утеряно, и мы – очевидцы, друзья, современники – можем им в этом помочь. Наконец, я думаю, Катя *хотела*, чтобы я это делала. “Так что я вам, Танечка, всё это завещаю”, – сказала она мне перед своим последним путешествием, из Америки в Сибирь. Тогда, в сентябре 1992 года, я не хотела ни говорить об этом, ни слышать. Потом, вспоминая, пыталась понять и жалела, что не спросила. Ведь очевидно, что, раз у неё есть прямые наследники, говоря “завещаю”, она имела в виду что-то другое». Запись 20 марта 2000 года: «Наверно, она знала, что за мной не заржавеет. Память о ней не должна покрыться ржавчиной, порастаи бльём. Поэтому – книга».

Её творческий век оказался недолог, и это, я думаю, одна из главных причин Катиной малой известности, хотя она много выступала и этим зарабатывала на жизнь, а лучшее из написанного ею можно причислить к шедеврам русской поэзии и авторской песни. При развитии нынешних коммуникационных технологий стало гораздо легче приобрести быструю популярность, но Катя не дожидая до этого бума. Возможно, отчасти так сложилось и потому, что у неё не было «широкой известности в узких кругах». Многие отмечали, что, когда Бродского просили назвать значительных поэтов-современников, он обычно называл своих друзей из ленинградской поэтической тусовки. Катя не тусовалась, не суетилась, не «светилась» целенаправленно, не «пробивала» свои стихи, не принадлежала ни к каким литературным группировкам,

¹ Катя Яровая (1957–1992) – русский поэт и бард, автор около 350 песен и нескольких десятков стихотворений.

² Статьи можно найти на сайте <http://katyayarovaya.com/index.php/katya/38-articles>.

школам и направлениям. Хотя говорила мне, что иронисты, например, признали бы её своей. Но всё это так или иначе ограничивало бы её, а Катя была внутренне абсолютно свободным человеком. Искусство – это когда художник старается как можно полнее и честнее выразить себя, раскрыть свой внутренний мир и передать своё осмысление мира внешнего. Не-искусство – когда он руководствуется тем, что будет хорошо продаваться (неважно, за деньги или за одобрение своей тусовки).

Так вышло, что Катю никто не проталкивал. Мало кто способен благословить, не сходя в гроб. Что это – боязнь конкуренции? Клановость? Может быть, дело в том, что песни Кати Яровой очень своеобразны, она ни на кого не похожа, а редакторы, издатели и критики чаще всего предпочитают то, что привычно, именитые же авторы – похожих на них, но более слабых молодых, и не нашлось старика Державина, который не только заметил бы её, но ещё и захотел бы благословить во всеулышание. Впрочем, это не совсем так: Катю, когда она была ещё студенткой Литературного института, заметила и оценила Юнна Мориц, её уникальный талант отмечали и преподаватели Литинститута. Но расцвет её творчества совпал с перестройкой, когда, как писала мне Катя, «народ стал вплотную заниматься добычей денег и всяческих мат. благ, и интерес к концертам, особенно бардов, почти пропал... Но я считаю, что это временный и совершенно естественный процесс. А я являюсь всего лишь жертвой этого естественного процесса». Может быть, проявилось и типичное отношение многих профессиональных литераторов, не воспринимающих авторскую песню всерьёз. Это омрачило последние годы жизни Высоцкого, несмотря на всенародную любовь к его песням, а присуждение Нобелевской премии по литературе Бобу Дилану и премии «Поэт» Юлию Киму вызвало осуждение и неприятие более активное, чем в случае других спорных решений. И ещё одна – увы, грустная – причина: нет пророков в своём отечестве.

На самом деле как поэту Кате повезло, что она не была с ранних лет членом литературных студий, обществ, кружков поэтов, обсуждавших стихи друг друга, и тем самым избежала влияний и не утратила независимости мышления. Её отклик на происходящее был собственный, не на потребу социальному запросу властей или эстетическим и идеологическим требованиям своей тусовки. Свидетельство тому – неожиданные для всех публичные похороны своих политических песен, которые она устроила в АПН в разгар перестройки. Даже позднее поступление в Литературный институт сыграло положительную роль, потому что именно юные, неокрепшие мозги легче поддаются «стрижке под одну гребёнку». Привычка препарировать стихи, вместо того чтобы воспринимать их непосредственно, нутром, мешает автору создавать, а аудитории наслаждаться тем, что не санкционировано «высшими инстанциями» – друзьями-поэтами, руководителем и членами семинара, известными критиками. Катя начала всерьёз писать, будучи вполне зрелым человеком, поэтому, хотя многие её песни раннего периода ещё не достигли мастерства, отличавшего творчество последних лет, они свидетельствуют о зрелости ума и сердца и о нравственной зрелости.

Нет пророков в своём отечестве и в чисто бытовом смысле. Редактор Р. М., которая знала Катю ещё по Москве (она дружила с сестрой Никиты Якубовича, с которым Катя тогда жила), говорила мне, что, хотя она слышала Катины песни в то время, не вполне осознавала её масштаб, потому что «трудно всерьёз воспринимать творчество человека, когда видишь его пробегающим мимо тебя в халатике из ванной». Об этом же говорила Катина подруга Оля Гусинская: «Большое видится на расстоянии»³. Она рассказывала нам с Сашей Эйдлиным, который приезжал ко мне в августе 2015 года, чтобы записать на видео разговор с Олей: «Катя писала песни, но это было в порядке вещей. Мы все тогда писали песни». Катина сестра Лена передавала слова их бабушки – пусть бы Катя не писала своих песен, а была бы здорова и счастлива. В отличие от тех, кто давно и близко знал Катю, я сразу увидела её «на расстоянии». Конечно,

³ Сергей Есенин, «Письмо к женщине».

и для меня было так же важно, чтобы она была здорова, но если бы не её песни, я бы с ней просто никогда не познакомилась. Изначальная точка отсчёта у меня была другая. Для меня Катя Яровая – и человек, и явление.

Моя память о ней вмещает десятки людей, которые появились в моей жизни благодаря ей. Катя для меня существует в непрерывном общении с этими людьми, как при её жизни, так и после. Они – неотъемлемая часть пространства, в котором она жила и пела. По определению М. М. Бахтина, «всякая лирика жива только доверием к возможной хоровой поддержке», она существует «только в тёплой атмосфере, в атмосфере... принципиального звукового неединчества». Это тем более справедливо по отношению к бардовской песне. Разговор о Кате неотделим от рассказа о тех, кто создавал эту атмосферу вокруг неё. Поскольку я пишу воспоминания, а не биографию или роман, повествование разворачивается в соответствии со временем, которое занимала в моей жизни Катя и всё, что связано с продвижением её творчества. В основном я опираюсь на свои записи и переписку тех лет, но приходится полагаться и на память, которая может порой подвести.

Катя дважды приезжала в Америку, в 1990-м и в 1992-м году, провела здесь в общей сложности полтора года. Именно здесь ей поставили диагноз: первый раз – рак груди, второй раз обнаружили обширные метастазы. Когда химиотерапия не помогла, она уехала в сентябре 92-го года в Новосибирск, где её лечили нетрадиционными методами, но не помогли и они. Двенадцатого декабря её не стало.

Знакомство

Летом 1990 года наша подруга София Лубенская, известный лингвист, доцент кафедры славистики Университета штата Нью-Йорк в Олбани, принесла нам послушать кассету с песнями барда из Москвы Кати Яровой. «Она владеет словом, это интересно». Соня сказала, что у Яровой рак груди, она перенесла операцию, прошла курс лечения, начала выступать с концертами и заинтересована в заработке. У нас были гости. Крутилась плёнка, продолжался общий разговор, и до меня долетали только отдельные удачные фразы из песен. Например, «Жить в рабстве так же сладко, как спать ребёнку в мокрых пелёнках: хоть мокро и темно, но тепло и по-своему уютно...» Одна из гостей, молодая мама Ира Р., возмутилась: «Неправда, ребёнку неприятно лежать в мокрых пелёнках!» Остальные заспорили, защищая удачный поэтический образ. Но в основном песни прошли тогда мимо ушей. А через несколько дней был праздник – День труда, и мы с мужем и дочкой на три дня отправились с палаткой на северо-восток штата Нью-Йорк.

Выезжаем вечером. Еле различимые в темноте Адирондакские горы близко подступают к дороге. Боря за рулём, крутится плёнка, я дремлю под музыку и шуршание шин. Вдруг что-то вывело меня из дрёмы, и тут же Боря попросил перемотать плёнку назад. И зазвучало, отпечатываясь в мозгу каждым словом, каждой нотой, каждым звуком удивительного голоса: «Память, словно кровь из вены, хлещет – не остановить...». Это была первая песня из цикла «Прощание». И сразу после неё – «Посвящается Никите Якубовичу», и звучит третья песня из цикла: «Настанет день – и в воздухе растает твоё лицо...» Так я начала по-настоящему слушать Катю. Три дня колесили мы по Адирондакскому заповеднику. Ходили по лесам и горам, купались в озёрах – Таккер, Колби, Саранак. Горы – синие по утрам и сиреневые на закате, в долинах маленькие деревеньки с церквями и пивными барами, огромные рыжие коровы с длинной выющейся шерстью. И все три дня непрерывно – Катин голос. Кончается плёнка – начинаем сначала, так что Наташа, в то время студентка университета Кларка, даже взмолилась: когда же мы будем слушать кассеты, которые она взяла с собой? Спрашиваем – разве ей не нравится Катя? Её комментарий: нравится, но непривычно высокий голос, слишком грустные песни. Объясняю, что грустно – совсем не плохо. Напоминаю пушкинское «мне грустно и легко, печаль моя светла». Позднее узнала, как эта строчка дорога Кате.

Песни вновь открытого барда сразу не просто полюбила, а заболела ими. Ставила её кассету всем, кого мы возили в машине, кто приходил к нам в гости. Когда доходило до «Настанет день...», все без исключения спрашивали: «Это она сама написала?» Я позвонила Соне Лубенской, не собирается ли университет пригласить Яровую с концертом. Мы уже привыкли к выступлениям в его стенах известных деятелей русской культуры – незадолго до этого приезжали Василий Аксёнов, Юнна Мориц, Анатолий Найман, переводчик Алексей Михалёв; показывали фильмы – например, «Покаяние». Соня сказала, что у университета нет на это денег (когда перестройка начала приносить ощутимые плоды, американцы сократили гранты на изучение русского языка и русские культурные программы). «Но вы можете сами её пригласить. Я не могу, у меня слишком мало места».

Соня взяла у Киры Камской, от которой получила кассету, Катин телефон, и я позвонила ей с предложением устроить концерт в Скенектэди (соседний с Олбани город), хотя раньше ничем подобным не занималась. Не будучи уверена, что она приедет и мы встретимся, сразу говорю ей о впечатлении, произведённом на меня её песнями, называю имена Галича, Высоцкого, Цветаевой, тогда ещё не зная, как важны они для неё самой. И физически ощущаю, как она слушает, – как будто в трубке образовался вакуум, втягивающий мои слова. Она умела слушать и вести беседу как никто. С другими разговор часто шёл по принципу: «А у нас в квартире газ! А у вас? – А у нас водопровод, вот!» И нередко до «а у вас» дело вовсе не дохо-

дило. Не так с Катей. От неё редко приходилось слышать «не помню, говорила ли я вам», обычно – «помните, я вам говорила?». Единственное, что она забыла за время нашего знакомства, – то, что я в школьные годы жила на Северном Урале, где она сама родилась в 1957 году в Свердловске (я жила в это время в Березниках Пермской области). «А мы с вами это обсуждали?» – серьёзно спросила она, когда это снова всплыло в одном из наших разговоров. И я оценила её вопрос, потому что считаю, что её уральское детство было важным для развития свободы обращения с языком и самобытности характера – как написал Пушкин в «Барышне-крестьянке», столичное воспитание «сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и головные уборы». Ведь и у Ахматовой были Одесса, Крым, Царское Село, а у москвички Цветаевой – няня с цветистым, выразительным просторечием и летняя Таруса. В рабочей тетради Яровой есть такие строки:

Помню морозы, сугробы по уши,
Помню я полные снега пимы,
Помню уральцев суровые души,
Полные снегом уральской зимы.

На разговоры там люди не падки.
Видно, уж так повелось в старину:
На все вопросы ответ будет краткий —
Неторопливо-протяжное «ну».

Катя сказала мне, что с 18 сентября по 10 октября будет в Калифорнии, 13 октября приедет в Амхерст, где остановится у Джейн Таубман или у Виктории Швейцер, 18-го у неё выступление в колледже в Вильямстауне, а после 20-го она сможет выступить у нас.

Двадцать первого октября 1990 года мы с мужем поехали за Катей в Массачусетс, где она жила у профессора Амхерст-колледжа Джейн Таубман, слависта, переводчицы, специалиста по творчеству Цветаевой. Катя вышла к нам в джинсовой юбке миди, расширяющейся книзу, коротком свитерке василькового цвета, вышитом спереди мелкими, редкими жёлто-красно-зелёными цветами. Белый воротничок блузки из-под круглого выреза, на ногах модные тогда белые спортивные тапочки. Загорелое лицо, светлые короткие волосы – симпатичная современная девушка, хотя внешность её показалась мне проще, чем я ожидала. Её одежда и облик сочетались со сдержанным теплом октябрьского дня, безоблачным небом, с яркими красками осенней листвы с вкраплениями хвои на склонах гор, тянувшихся вдоль шоссе.

В машине Катя грызла яблоки, много и оживлённо говорила и нравилась мне всё больше и больше. У неё был трезвый ум, цепкий глаз, бескомпромиссное отношение к принципиальным для неё вещам, обаяние, чувство юмора, естественность, абсолютная доброжелательность. На мой вопрос, сколько ей лет, ответила: «Тридцать три. Возраст Христа». Из её замечаний в том разговоре: Бродский, Высоцкий – гении нашего времени, Битлз – Моцарт нашего времени, Высоцкий – Пушкин нашего времени. Такая у неё была формула – «... нашего времени». Сказала, что ей очень близка Цветаева – своей страстностью, неуёмностью. Тогда же она произнесла свою замечательную фразу: «Я искусство воспринимаю спиной: если мурашки бегут, значит, хорошо». На эту тему написаны трактаты и монографии, а ей хватило короткой, выразительной формулы, которую я потом часто цитировала. Девятнадцатого июня 1995 года за завтраком у нас на кухне в Скенектэди я рассказала об этом Вениамину Смехову, концерт которого состоялся накануне. Он ответил очень интересно: «Да, но ведь мурашек может уже и не быть...» Он считал, что количество эмоций, которые тратятся на восприятие, ограничено и постепенно растрачивается, и может наступить момент, когда уже не сможешь *так* воспринимать. Это было важное для меня открытие: ведь и правда есть люди, которые просто

неспособны открыть свою душу искусству. В то же время я думаю, что даже при изнашивании, условно говоря, «спины», по которой могут бежать мурашки, встреча с настоящим искусством может вызвать потрясение и восторг в любом возрасте. Неоднократно в этом убеждалась, выступая впоследствии перед группами стариков-пенсионеров с презентациями, посвящёнными Кате.

На мой вопрос, не является ли она членом Союза писателей, Катя ответила: «Как можно? У них же руки в крови». Я возразила, что Высоцкий, например, переживал, что его не принимали в СП, а ленинградский поэт Ольга Бешенковская рассказывала в интервью, как трудно ей лечить больного сына из-за того, что она не имеет льгот, связанных с членством в Союзе. Катя согласилась: «Наверно, я избалована. Мне люди многое делают за мои песни. Я, например, дала концерт в районной детской поликлинике, и теперь, когда мы с дочкой туда приходим, нас просто берут на руки и несут по кабинетам». Рассказала также, как пришла недавно с подружкой на педикюр, и в знак любви к Катиным песням педикюрша отказалась брать деньги не только с неё, но и с подруги.

Когда возле нашего дома мы вышли из машины, Катя заметила и похвалила мои ботинки. Ботинки и в самом деле были достойны внимания, за них я получала комплименты даже от продавщиц больших универмагов, которые на этом собаку съели. Катя, как я заметила, не делала комплиментов зря: когда она однажды похвалила мою стрижку, это действительно была самая удачная моя стрижка, когда сказала «у вас красивое платье», это было уникальное платье работы местного дизайнера и т. п.

Когда мы вошли в дом, на верхней ступеньке короткого пролёта лестницы, ведущего на второй этаж, стояли вышедшие нас встречать пушистые красавцы: огромный белый ангорский кот Сэм и кошка Филя, дымчато-серая с белым нагрудником. Катя ахнула, села на ступеньки, положив рядом гитару, и протянула к ним руку. Позже она сказала, что очень любит кошек, но больше их не держит, с тех пор как живший у неё в квартире на Калининском проспекте котёнок выпал с семнадцатого этажа. Сказала: я сама, как кошка, когда попадаю в новое место, хожу осторожно, приглядываюсь, принимаюсь. Выйдя из комнаты, где мы её разместили, она удовлетворённо объявила, что по астрологическим знакам мы все хорошо сочетаемся, никаких проблем и противоречий.

Я поинтересовалась, когда и чем её кормить. Катя сказала, что перед выступлением она обычно не ест, а вот после – обязательно, потому что теряет до двух килограммов за концерт. Но на лёгкий ранний ужин согласилась. Я сделала форель с миндалём по французскому рецепту. Предложила ей выпить, но она отказалась. А я к приезду Кати купила водку четырёх сортов – всё-таки бард, хоть и женщина. Я слишком буквально восприняла слова её песни о бродячем поэте: «Он вам споёт, ещё ему налейте водки!» Я не разбиралась в водке и на всякий случай набрала разной. Помню, одна из них называлась «Камчатская».

Катя сказала, что перед концертом должна уединиться на час-другой, подготовиться и порепетировать, и закрылась у себя. Когда она вышла, я спросила, какую лампу включить и где её поставить, чтобы сама Катя была освещена, а зрители оставались в тени. «Включите весь свет, какой есть!» Оказалось, что она любит выступать при свете, и даже если в совместных концертах другие выступают перед тёмным залом, Катя, выходя на сцену, первым делом просит включить свет. И мы включили люстру, торшер и настольные лампы, включили свет в прихожей и на кухне, откуда, при открытой планировке нашего дома, тоже падал свет.

На концерт пришло человек тридцать. Я тогда ещё не знала, что собирается обычно не больше трети приглашённых, и звонила только своим знакомым. В последний момент некоторые не смогли прийти. Зато был приятный сюрприз: Полина Шварцман, инженер из Одессы, которая вела разговорную группу по русскому языку в колледже Скидмор в Саратове, привела с собой Наталию Рохлину, которая преподавала там русский язык. Наташа пришла в восторг

от Катиных песен, пообещала устроить её концерт в своём колледже, а также связаться с коллегами из других вузов штата Нью-Йорк, чтобы и они пригласили Катю выступить.

Кроме песен, которые мы знали по кассете, Катя пела и новое для нас, в том числе «То живу я в доме этом, то живу я в доме том...». Премьера песни, сказала она. Песня произвела на меня огромное впечатление. На глазах моей дочери Наташи, сидевшей рядом со мной, были слёзы. Катя сопровождала своё выступление, как она это обычно делала, рассказами, смешными байками. В какой-то момент после очередной песни не было аплодисментов – возможно, слушатели решили, что это часть цикла или некой группы песен, – и, когда это повторилось, Катя сказала: «А чего это вы не хлопаете-то?» И народ дружно зааплодировал.

Пришедшие прониклись Катиным обаянием. Одна пара предупредила меня, что они уйдут после первого отделения, но, видимо, быстро уладив или отменив свои дела, вскоре вернулись обратно. Перед антрактом Катя, объявляя о продаже аудиокассеты, тоном заправского американского коммивояжёра иронически отчеканила цену: «Nine ninety-nine!» Марина Ш., покупая кассету, дала мне \$ 70 долларов и попросила не говорить об этом Кате: «Просто хочу ей помочь».

Во время перерыва все вышли в сад. У нас за домом было патио с садовой мебелью и холм, поросший лесом. Катя курила, сидя за столом, и беседовала с окружившими её гостями. Я сновала туда-сюда, как положено хозяйке, но мне удавалось услышать обрывки разговора. У Кати спрашивали, не хочет ли она остаться жить в Америке. Она рассказала о своих сомнениях, одно из главных – утрата языка. Она сказала, что не хотела бы, чтобы её дочка, выросши в другой языковой среде, не смогла оценить прелести пушкинского «печаль моя светла». Эта строка, которая могла родиться только в русской поэзии, стала Катиным постоянным спутником – это и «печаль неосветлённая», и команда себе «душу заполнить светлой печалью!» В девять лет её дочь уже читает Библию, сказала Катя с гордостью.

Когда все разошлись, мы долго сидели на кухне, ели-пили-закусывали. Я наивно продолжала потчевать Катю водкой. Но после второй стопки она сказала: «А может, хватит?» Потом я не раз слышала, как она говорила на концертах: «Прошу не путать меня с моей лирической героиней». Это был как раз такой случай.

Говорили о русском роке. Кате нравился Цой. В остальном, как и мы, она прохладно относилась к русским рокерам. Рассказала, что четыре раза была замужем, «каждый следующий муж был хуже предыдущего». Скептически отзывалась о современной советской журналистике – хотя, сказала она, недавно прочитала хорошую статью своего второго мужа, Александра Минкина. (В 2003 году на вечере памяти в Москве Александр в своём выступлении признался, что начал писать под влиянием Кати: «Если бы не Катя Яровая, никакого журналиста Минкина не было бы вообще в природе».)

Мы обе обратили внимание на какие-то совпадения у нас с ней: отец – Владимир, сестра – Лена, фамилии начинаются и кончаются на «я», обе жили в детстве на Урале, у обеих отцы евреи (у Кати и мама полужидеяка), у обеих были родственники в Мелитополе. В жизни Кати большую роль играла её бабушка Бася Генриховна Квасман, мудрый, незаурядный человек, в моей – моя бабушка Циля Львовна Янковская. (Это даже вызвало позднее забавную путаницу. Когда в «Континенте» была опубликована моя статья о Кате, я, зная, что у Яровых уже есть этот номер, отправила им с оказией один экземпляр для передачи моей сестре и бабушке с надписью: «Леночке и бабушке о моей любимой Кате». Лена Яровая решила, что журнал предназначался для неё и Баси Генриховны. Потом это недоразумение разрешилось.) В рабочей тетради Кати я обратила внимание на кусок:

Потом —
В полкомнаты рояль, покрытый пылью,
И голос мамы:

«В Антарктиде льдины землю скрыли,
Льдины в Антарктиде замела пурга.
Здесь одни пингвины прежде жили,
Ревниво охраняя свои снега».

И отметила ещё одно совпадение: я сама играла на рояле и пела эту песню, в том числе в составе вокально-инструментального ансамбля нашего класса. А Кате в это время играла и пела ту же песню мама.

В понедельник я уехала с утра на работу (я тогда работала в аналитической лаборатории отдела технологии в GE Plastics, дочерней компании General Electric), а Боря взял день отпуска (он тоже работал в General Electric, но в научно-исследовательском центре), чтобы записать кое-какие песни, которых не было на кассете, и отвезти Катю обратно в Амхерст. Он записал тогда десять песен – правда, Катя сказала, что по утрам она обычно не в голосе. И вот во вторник по дороге на работу я ставлю в машине новую кассету и первое, что слышу: «Песня для Танечки». И потом – «То живу я в доме этом...», так понравившуюся мне.

На работу я приехала в состоянии эйфории. Меня сразу вызвал начальник отдела и сообщил о моём увольнении. Удар был самортизирован словами «песня для Танечки», произнесёнными неповторимым Катиным голосом. В Америке тогда был очередной кризис, и у нас были уволены почти все, проработавшие, как и я, меньше двух лет, плюс ещё несколько человек, должности которых сократили. Из примерно двадцати пяти уволенных было только четверо мужчин, остальные женщины, хотя они составляли не более 5 % от общего числа работников фирмы (интересная тема, об этом я как-нибудь напишу отдельно). Нам всем предложили проехать в специально снятое в отеле в Олбани помещение, где с нами сразу начал работать нанятый за большие деньги консультант (за эти деньги несколько уволенных могли бы работать целый год). Все были сражены внезапной потерей работы (как сказал консультант, только смерть близкого человека и развод имеют более сильный негативный эффект на человека). Мне было легче, чем другим, потому что у меня была «песня для Танечки» и другие чудесные песни, которые я слушала в машине по дороге в отель, заряжаясь энергией, вдребезги разбивающей негатив.

Узнав о моём увольнении, Катя расстроилась. Она была очень отзывчивым человеком, переживала за меня, утешала, говорила, что всё в жизни не случайно: «Может быть, Танечка, вас уволили для того, чтобы вы сделали что-то такое, о чём вы ещё сами не знаете». Рассказала мне две притчи, которых я раньше не слышала. Одна из них о том, что удары судьбы нередко оборачиваются её подарками. Так, у бедного крестьянина сбежал любимый конь – всё его достояние. Но конь вернулся и привёл с собой табун диких лошадей, которых крестьянин объездил, продал и разбогател. Его сын, объезжая коня, упал и сломал ногу, но благодаря хромоте его не взяли на начавшуюся войну, и он единственный из своих сверстников уцелел и т. д. Во второй притче Господь, услышав молитвы человека, которому сильно не везло в жизни, пообещал ему помочь. И человек стал ждать помощи свыше. В том краю случился ураган, вызвавший сильнейшее наводнение, соседи эвакуировались на лодке и предложили ему плыть вместе. Но он отказался, так как ждал Божьей помощи. Вода всё прибывала, и мимо проплыла вторая лодка, где было свободное место, но человек снова отказался присоединиться. Пытаясь спастись, он забрался на крышу дома, и тут снова проплыла лодка, и люди опять предложили взять его с собой. Но он ответил, что не поедет, что ему поможет Бог. Когда пучина поглотила дом, тонущий человек возроптал на Бога: «Почему Ты обещал и не помог мне?» В ответ раздался глас Божий: «Да я тебе трижды лодку на помощь посылал, почему ж ты не воспользовался?!» Мораль: надо уметь читать свою судьбу.

Работу для химика в столичном округе штата Нью-Йорк, называемом районом Трёх городов (Three City area) – Олбани, Скенектэди и Трой, – найти было трудно всегда, а уж во время

кризиса и подавно. Я звонила, писала письма, рассылала резюме и т. д., ходила в центр, где всё тот же консультант проводил тренинги. Специально нанятая машинистка печатала нам всё, что требовалось для поисков работы, стояли телефоны, по которым можно было бесплатно звонить агентам по трудоустройству и потенциальным работодателям (мобильных телефонов ещё не было), но всё было безрезультатно. А в свободное время, которого без работы у меня стало гораздо больше, я искала, кто мог бы устроить Кате концерт, помогала ей продавать аудиокассеты. Люди их охотно покупали, причём некоторые присылали больше, чем стоила кассета, – так, одна моя подруга прислала \$50 вместо \$10, другая \$20. Все хотели помочь. Неожиданно легко оказалось находить желающих организовать концерты для Кати – у меня ведь не было знакомых в этой сфере, а тут зверь бежал на ловца. Моя подруга Жанна Каплан из университета Брандайс связала меня со своей коллегой Инной Броуде, и та дала мне телефон музыковеда Владимира Фрумкина, специалиста в области авторской песни, работавшего тогда на «Голосе Америки» в Вашингтоне. Когда я позвонила ему насчёт Кати, он страшно обрадовался: «А я её повсюду ищу». Оказалось, что он уже слышал её песни и безуспешно пытался с ней связаться. Фрумкин помог Кате с организацией нескольких концертов. Ей нравилось, как Владимир с дочерью Майей поют песни Окуджавы и Н. Матвеевой, вскоре после знакомства с ним она прислала мне их аудиокассету. По её словам, эту запись любил Окуджава, он говорил: «Слушаю Майечку и не могу – плачу». После встречи с Владимиром Катя сказала, что в разговорах по телефону он был более открыт, восхищался её песнями, а в личном общении был более сдержан. Позднее Фрумкин написал прекрасную миниатюру об их знакомстве для Катиного посмертного поэтического сборника.

Каждый раз, когда она сообщала мне об очередном предстоящем выступлении, я звонила жившим поблизости знакомым, чтобы они пришли сами и привели других. Выступала она на Восточном Побережье (Новая Англия, штаты Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания), в Калифорнии и в штате Огайо, где жила её подруга детства Татьяна Зуншайн. Как-то Катя позвонила мне из Калифорнии и тоном заговорщицы, с протяжными уральскими интонациями сказала: «Ну-у, Танечка, ваша ручка везде достаёт. Вчера на концерт пришла прекрасная женщина – Эмма, купила кассеты, принесла кучу подарков для Катечки». Эмма мне потом сказала, что было два подарка. Рассказывая через некоторое время про выступление в Бостонском общинном колледже, Катя сказала, что её прекрасно принимали, «принесли кучу цветов». Моя подруга Жанна, которая была на том концерте и подробно мне о нём рассказала, говорила, что цветы подарила она и какой-то парень. Может быть, был кто-то ещё. Но Катя не преувеличивала, считая «раз, два, куча», а то и «раз, куча» – это лишь ещё одна характерная для неё формула. Сначала я думала, что, несмотря на необыкновенную популярность её выступлений, она не была избалована материальными знаками внимания, но это было не так. Просто она умела ценить внимание к ней и радовалась этому. Об отношении к себе и своим выступлениям она прекрасно знала. Однажды я спросила у неё: «Как прошёл концерт?» Она ответила: «Бесмысленный вопрос. Концерты всегда проходят хорошо».

Выступая у нас дома, Катя говорила, что в России её ничто не держит, кроме дочки, по которой она очень скучает. Я процитировала эту фразу в небольшом тексте в четыре параграфа, который написала по-английски для нашего друга Миши Гольдина в Чикаго, где он пытался организовать Кате концерт в Еврейском центре. (В Чикаго она так и не поехала – не было попутчиков или спонсоров, а билет на самолёт стоил дорого.) Потом этот текст пригодился для организации других её концертов перед американскими аудиториями. По Катиной просьбе я сделала ксерокопии, и она сказала, что использует их как свою визитную карточку, кладёт на стол перед концертами. Потом перестала это делать после замечания Вики Швейцер: «Зарабатываешь, чтобы оплатить лечение? Ну-ну». Врачи в Амхерсте лечили Катю бесплатно, а жила она во время лечения у Джейн Таубман, Элейн Ульман и у той же Виктории. Катя была очень щепетильна и не хотела, чтобы мой текст был неправильно истолкован. Она с восхище-

нием рассказывала мне о книге Швейцер «Быт и бытие Марины Цветаевой», после чтения которой, ещё в Союзе, написала Виктории письмо.

В конце ноября с подачи Наташи Рохлиной Кира Стивенс организовала Катины выступления в колледже Гамильтон и университете Колгейт неподалёку от нас. Оттуда Катя приехала в Олбани. Она вышла из автобуса в белом свитере с большим воротом, расстёгнутой куртке из коричневой кожи и таких же брюках, заправленных в модные тогда высокие сапоги-ботфорты. Спортивная сумка через плечо, в руках гитара («я с гитарой и сумою в самолётах и в метро»). Кате предстояло ещё два концерта – в колледже Скидмор в Саратоге и в Юнион-колледже в Скенектэди. Первый организовали Наташа Рохлина и Полина Шварцман, второй – моя знакомая Марина Рудко. Марина преподавала русский язык в Юнионе, втором старейшем колледже Америки после Гарварда. Заведовала русским отделением там Надежда Алексеевна Жернакова, лет шестидесяти, ведущая свою родословную от представителей первой эмиграции, как и Марина.

Объявление в газете Юнион-колледжа: «Кафедра современных иностранных языков совместно с Русским клубом выступят спонсорами концерта **Кати Яровой**, видного русского барда из Москвы. Ей 33 года, она автор примерно 300 песен, в которых она поёт о перестройке и гласности, трагической судьбе своей родины России, о любви, воспоминаниях детства, особенностях советского образа жизни. Некоторые из её песен считаются в Советском Союзе слишком откровенными даже сегодня, в эпоху официально объявленной гласности. Её приглашали несколько колледжей и университетов, включая Йель, Амхерст и Вильямс. Она поёт по-русски, но на концертах в США аудитории предоставляются письменные переводы её песен. Концерт состоится в четверг 29 ноября, 1990 г. в 7:30 вечера в помещении College Center, аудитория 406»⁴.

Катя провела у нас несколько дней. Поскольку я не работала, то всё время была с ней. Мы гуляли – благо осень стояла тёплая, снегопадов ещё не было – и говорили, говорили. Катя подумывала о том, чтобы остаться в Америке, но не верила в то, что будет кому-то здесь нужна со своими песнями, без знания языка. Я же считала, что всё возможно, что, может быть, она сможет выступать перед американской аудиторией не только в колледжах. А может, Лори Андерсон, у которой тоже есть политические песни (например, знаменитая песня о собаке Эдисона), согласилась бы дать Кате немного времени в своих концертах. В любом случае, если жить здесь, нужно осваивать английский, вживаться в эту культуру. Может быть, со временем она смогла бы петь свои песни в переводе и даже писать новые на английском языке. А может, она могла бы вести разговорные семинары в каком-нибудь колледже, ведь требуются же носители языка! Полина Шварцман даже не филолог по образованию, а работает – правда, почасовиком – в престижном колледже (в 90-е годы в Скидморе работала Татьяна Толстая, за год до своей смерти там выступал Бродский). По деньгам это немного, но если бы Катя продолжала давать концерты, в том числе перед эмигрантами, и продавала свои кассеты, это давало бы дополнительный заработок. Можно параллельно учиться, получить здешнюю магистерскую степень, что помогло бы в трудоустройстве. Наверно, Джейн Таубман могла бы ей в этом помочь.

⁴ Здесь и далее перевод с английского автора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.